

1838.

В Ъ Г Л Е Ц Ъ .

(ГОРСКАЯ ЛЕГЕНДА).

Гарунъ бѣжалъ быстрѣ лани,
 Быстрѣй чѣмъ заяцъ отъ орла:
 Бѣжалъ онъ въ страхѣ съ поля брани,
 Гдѣ кровь черкесская текла.
 Отецъ и два родные брата
 За честь и волю тамъ легли —
 И подъ пятой у супостата
 Лежатъ ихъ головы въ пыли.
 Ихъ кровь течетъ и просить мщенья.
 Гарунъ забылъ свой долгъ и стыдъ,
 Онъ растерялъ въ пылу сраженья
 Винтовку, пашку — и бѣжитъ.
 И скрылся день; клубясь, туманы
 Одѣли темныя поляны
 Широкой бѣлой пеленой.
 Пахнуло холодомъ съ востока,
 И надъ пустынею пророка
 Всталъ тихо мѣсяцъ золотой.
 Усталый, жаждою томимый,
 Съ лица стирая кровь и потъ,
 Гарунъ межъ скалъ аулъ родимый
 При лунномъ свѣтѣ узнаетъ.
 Подкрался онъ, никѣмъ незримый;
 Кругомъ молчанье и покой.
 Съ кровавой битвы невредимый
 Лишь онъ одинъ пришелъ домой,
 И къ скалѣ онъ спѣшитъ знакомой;
 Тамъ блещетъ свѣтъ; хозяйнѣ — дома.
 Скрѣпясь душой, какъ только могъ,
 Гарунъ ступилъ черезъ порогъ:
 Седима звалъ онъ прежде другомъ;
 Старикъ пришельца не узналъ;
 На ложѣ, мучимый недугомъ,
 Одинъ, онъ молча умиралъ.
 «Великъ Аллахъ: отъ злой отравы
 Онъ свѣтлымъ ангеламъ своимъ
 Велѣлъ беречь тебя для славы..
 Что новаго?..» спросилъ Селимъ,
 Поднявъ слабѣющія вѣжды.
 И взоръ блеснулъ огнемъ надежды,
 И онъ привсталъ, и кровь бойца
 Вновь разыгралась въ чашъ конца.
 «Два дня мы бились въ тѣснищѣ:
 Отецъ мой палъ и братья съ нимъ,
 И скрылся я одинъ въ пустынѣ.
 Какъ звѣрь преслѣдуемъ, гонимъ,
 Съ окровавленными ногами
 Отъ острыхъ камней и кустовъ,
 Я шель безвѣстными тропами
 По слѣду вепрей и волковъ.
 Черкесы гибнутъ. Врагъ повсюду.
 Прими меня, мой старый другъ,
 И, вотъ пророкъ! — твоихъ услугъ

Я до могилы не забуду!»
 А умирающій въ отвѣтъ:
 «Ступай! достоинъ ты презрѣнья!
 Ни крова, ни благословенья
 Здѣсь у меня для труса нѣтъ!»
 Стыда и тайной муки полный,
 Безъ гнѣва вытерѣвъ упрекъ,
 Ступилъ опять Гарунъ безмолвный
 За непривѣтливый порогъ.
 И, саклю новую минуя,
 На мигъ остановился онъ,
 И прежнихъ дней летучій сонъ
 Вдругъ обдалъ жаромъ поцѣлуя
 Его холодное чело.
 И стало сладко и свѣтло
 Его душѣ; во мракѣ ночи,
 Казалось, пламенные очи
 Блеснули ласково предъ нимъ,
 И онъ подумалъ: «я любимъ..
 Она лишь мной живетъ и дышетъ..
 И хочетъ онъ войти — и слышитъ..
 И слышитъ пѣсню старины.
 И сталъ Гарунъ блѣднѣй луны.
 «Мѣсяцъ плыветъ,
 И тихъ, и спокоенъ,
 А юноша-воинъ
 На битву идетъ..
 Ружье заряжаетъ джигитъ,
 И дѣва ему говоритъ:
 «Мой милый, смѣльте джигитъ
 Ввѣряйся ты року.
 Молися Востоку,
 Будь вѣренъ пророку,
 Будь славъ вѣрнѣй.
 Своимъ измѣнившій —
 Измѣной кровавой,
 Врага не сразивши,
 Погибнетъ безъ славы;
 Дожди его ранъ не обмоютъ,
 И звѣри костей не заруютъ..
 Въ горахъ никого нѣтъ,
 Кто бы вынесъ позоръ,
 И труса прогонитъ
 Красавица горь!»
 Главою поникнуть, съ быстротою
 Гарунъ свой продолжаетъ пути,
 И крупная слеза, порою,
 Съ рѣсницы падаетъ на грудь.
 Но вотъ, отъ бури наклоненный,
 Предъ нимъ родной бѣлѣетъ домъ,
 Надеждой снова ободренный,
 Гарунъ стучится подъ окномъ;
 Тамъ, вѣрно, теплыя молитвы